

Президенты Вольного Экономического Общества России

Н. Мордвинов

Русская классическая
библиотека

Особое мнение
адмирала

Мордвинова

Москва
Издательский дом «Экономическая газета».
2008

Издательский дом «Экономическая газета» выражает признательность за помощь в подготовке этой книги:

Вольному Экономическому Обществу России;
Государственному университету управления;
Деловому клубу ИД «ЭГ» — «Женщины будущей России»;
Московской патриархии;
Национальному фонду «Во благо Отечества»;
Торгово-промышленной палате РФ;
Университету менеджмента и бизнес-администрирования

«Дочего у нас хамство усилилось! Мы даже ничего не знаем о прежнем устройстве государства!» — жаловался в начале XIX в. Н. Тургенев, один из видных русских экономистов. Прошло 200 лет, а будто ничего и не изменилось. Затеваем разные реформы — политические, экономические, социальные, и каждый раз начинаем с того, что вновь изобретаем велосипед, не пытаясь даже заглянуть в историческую энциклопедию. Сколько здесь замечательных идей, мнений, имен! Откроем ее на Николае Мордвинове и чрезвычайно много узнаем о прежнем устройстве государства, о давних национальных проектах, связанных с развитием, защитой русской промышленности, с правильной организацией финансовой системы, с укреплением частной собственности, с улучшением медицины, образования... Борьба с пьянством, кавказские войны, лихоимство и казнокрадство, возврат в казну несправедно нажитого. Все, почти все, что нас заботит теперь, чрезвычайно заботило и адмирала Мордвинова, этого «русского Цицерона», «русского Вашингтона», человека, о котором знаменитые поэты слагали оды...

ISBN 978-5-900792-38-5

© ЗАО ИД «Экономическая газета», 2008

Вечная служба Отечеству

*Кто сей украшенный венком,
С мечом, весами и щитом,
Презрев врагов и горделивость.
Стоит гранитною скалой
И давит сильною пятой
Коварную несправедливость?*

К Рылеев. Ода Мордвинову

А дмирал и сын адмирала, «офицер отличнейших познаний», человек удивительно сложной и богатой судьбы, успевший послужить своему Отечеству и в качестве военного человека, и в качестве государственного деятеля, побывать под арестом и получить самые высшие награды, стать первым в России морским министром и первым председателем Департамента экономики Государственного совета... Он нигде по-настоящему не учился, был самоучкой, но знания его были и обширны и глубоки. Экономика, финансы, военная наука, законодательство, просвещение, медицина, земледелие... Ему до всего было дело, и у него на все была своя точка зрения. Он пережил нескольких государей, но ни у кого из них не пользовался полным доверием. Мнения его были настолько смелы, настолько опережали время, что многим чиновникам он казался мятежником. Оппозиция превозносила его, власти же редко прислушивались к его мыслям, называли мечтателем, держали под подозрением и норовили при каждом удобном случае отправить в отставку. Он давал основания и для подобного к себе отношения. И все же... Все же очень часто он смотрел и в корень вещей...

Ничто не говорило о том, что он станет заметной фигурой в политической и экономической истории России. Отец его был заслуженным адмиралом. Военное поприще им готовилось и для сына. По всем признакам оно должно было быть блестящим. Уже в раннем возрасте Николай Мордвинов был взят ко двору для совместного воспитания с наследником императрицы Екатерины — будущим самодержцем Павлом I, которому он вскоре стал любимым товарищем, а в чем-то и образцом. Наставник Павла Панин, склоняя воспитанника к послушанию, часто указывал ему на Мордвинова как пример. С 12 лет Мордвинов — на флоте. Гардемарин, мичман, в 16 лет — адъютант, затем — генерал-адъютант. Три года он служит на английских судах, в том числе и торговых, проникается любовью к Англии, получает там отличные аттестаты, потом много путешествует, узнает мир, возвращается в Россию.

В 1783 г. капитаном II ранга, командиром корабля он участвует в секретной экспедиции в Ливорно. Там, в Италии, знакомится с будущей женой — англичанкой. В 1785 г, когда в Херсоне открывают Черноморское адмиралтейство, Мордвинов, как «офицер отличнейших познаний», приглашается туда Потемкиным на службу. С тех пор на долгие годы судьба его была связана с Черноморским флотом. С его именем связывают многие работы по укреплению флота, по обустройству южного края, города Николаева и даже некоторые морские победы. Но военная карьера Мордвинова оказалась очень неровной.

Виноват ли тут был характер, неуступчивость, но на него все время писали доносы, вынуждая оправдываться. Упрекали в неразборчивости при заключении военных контрактов. В нем разочаровался Потемкин. Его невысоко ценил Суворов. Как-то Николай Се-

менович пытался доложить Суворову свои соображения по одной военной операции, показывая что-то на карте, но Александр Васильевич лишь прыгал вокруг стола да кукарекал. Говорят, что он всегда так делал, когда не хотел слушать... Устав от непонимания, Мордвинов бросает службу, но мудрая Екатерина вновь возвращает его к делам. При Павле, когда, казалось, ему уже не могли грозить неприятности, он вновь попадает в опалу. Его арестовывают и требуют оправданий. Дочь Мордвинова, чтобы как-то объяснить такой поворот в судьбе отца, к тому времени уже адмирала, приводит рассказ, в который трудно поверить. Павел, мол, допытывался тогда у своего секретаря, может ли его давний товарищ оправдаться; «Если нет, то запрещаю его судить!» — «Я уверен, что он ни в чем не виноват», — отвечал ему секретарь.

Мордвинов оправдался, но был государем отставлен. При вступлении на престол Александра I, при организации министерств, Мордвинова приглашают на должность морского министра. Последовавшая тут же новая отставка оказалась последней в военной карьере адмирала. Разочарование его было очень большим, он даже собирался покинуть Россию. Его влекла к себе Англия. Родина двух кумиров Мордвинова, оказавших сильное влияние на формирование его взглядов: выдающегося экономиста Адама Смита и Иеремии Бентама, не менее выдающегося философа и юриста. Все уже было готово к отъезду, проданы картины, ценные вещи, но случайная встреча с Кутузовым, разговор с ним заставляют адмирала отказаться от намеченных планов...

В 1806 г московские дворяне избирают Мордвинова начальником ополчения, готовившегося по случаю войны с Наполеоном. С заключением Тильзитского мира в 1807 г оно было распущено, но

Николаю Семеновичу всегда было лестно вспоминать потом о том доверии, которое оказали ему москвичи.

Когда в 1810 г в России учредили Государственный совет, Мордвинов начинает играть в нем заметные роли. Долгое время, с перерывами, отставками, он занимает пост председателя Департамента экономии, затем, с 1821 г до конца 1838-го, Мордвинов — председатель Департамента гражданских и духовных дел. Одновременно с 1823 по 1840 г исполняет многотрудные обязанности президента Вольного Экономического Общества, члена Комитета министров, члена Финансового комитета. Все эти должности давали адмиралу возможность во всей силе проявить присущий ему ученый талант. На каждой из них он успел сделать многое, точнее, предложить многое.

Почти всегда его мнения по самым разным государственным вопросам оказывались вызывающе яркими, почти всегда его доводы в защиту этих мнений были убедительны. И пусть они редко поддерживались властями, пусть они часто оказывались «особыми», все же влияние их на общественное настроение России того времени было очень значительным. Не случайно его называли «русским Вашингтоном». Не случайно прочили в декабристские революционные правительства. И не случайно поэты слагали о нем восторженные оды. «Золотыми голосами» называли его «мнения» современники.

«Общее — это дикое!»

Первый значительный успех Мордвинова в обществе, сделавший его известным, — разбор дела графа Кутайсова в Непременном совете (органе, предшествовавшем Государственному совету). Граф Кутайсов был турком, ребенком захваченным в плен. Импера-

трица подарила его сыну — цесаревичу Павлу, который стал мальчику крестным отцом. По-восточному ловкий, не брезговавший никакими средствами, Кутайсов сделался в царствование Павла влиятельнейшей фигурой. Как «выскочка» он вызывал в обществе брезгливую неприязнь, как фаворит государя — страх и ненависть.

Император одарил его не только графским достоинством и высокими чинами, но и многими имениями, в том числе и рыбными ловлями на Каспийском море, приносящими до полумиллиона годового дохода. По смерти Павла их прежний хозяин — фельдмаршал Салтыков просил нового государя вернуть ему отобранную у него собственность. Непременный совет, заседавший под председательством Александра I, склонялся удовлетворить это требование. Мордвинов же высказался против подобного решения.

Если, рассуждает он, говорить о деле по отношению к самодержавной воле как таковой, то оно решается чрезвычайно просто. Неограниченной волей одного монарха земли отданы Кутайсову, неограниченной волей другого монарха можно их у него отнять. С вознаграждением или даже без него. И тут не будет несправедливости, как не будет и справедливости: власть самодержца выходит за рамки этих понятий. Но в понятиях власти благоустроенной, развивается далее свою мысль Мордвинов, нужно согласиться, что:

— закон собственности неколебим;

— никто не имеет права на него покушаться, даже если этого требует общее благо, ибо никогда общее благо не может основываться на частном разорении;

— взять собственность у владельца без его согласия — значит нарушить первый закон благоустроенных государств;

— невозможна и замена правительством академия собственника на другое, ибо нельзя быть судьей в собственном деле;

— твердость закона о собственности никакими миллионами оценить невозможно, ибо он основание государственного здания. Тронь его — все разрушится!

Нельзя, настаивает Мордвинов, делать отступлений ни для кого и ни для чего! Чтобы не спорить о несправедливости, надо начать с того, чтобы самому ее не делать, иначе вечно будет торжествовать сила и никогда — закон! Скажут, что указ по Кутайсову был подложен, что ловли ему передали подложно. Пусть. Но тогда и судить необходимо того, кто совершил подлог!

Понимая, что к мнению его могут и не прислушаться, Мордвинов и в этом случае предлагает поступить особенным образом. Если, говорит он, почему-то все же решат отобрать ловли у Кутайсова, то нельзя оставлять их в общем пользовании. Общее — это дикое! Только труд и капитал превращают пустыни в плодоносные поля. Берега следует раздать хозяевам с правом собственности на них. Скажут, что возьмем у одного и отдадим другому. Не одному — многим! Это первый закон государственной экономики. Избавимся от монополии и достигнем справедливости цены. Выскажут опасение, что все это вновь скупит один. Но для этого и существует государственный закон, ограничивающий владения одного лица! Все превосходящее его нормы просто отбирается в казну...

Несмотря на разумность высказанных доводов, принесших Мордвинову определенную славу, дело все же решили не так, как он предлагал. Ловли у Кутайсова отобрали и передали в свободное пользование. Салтыкова вознаградили другими землями...

В позиции, отстаиваемой Мордвиновым, могут увидеть предпочтение, которое он отдает частной собственности, богатым «выскачкам» (олигархам). Но тут его мысль глубже, интереснее. Част-

ную пользу он видит основной пользы общественной, другими словами, не от все прибирающего к своим рукам государства к частному народному богатству он предлагает идти, а наоборот — заботой о развитии частного интереса достигать крепости государственной казны. Мысль эта кажется никакой не «особенной», но примеров несправедливости по отношению к частной собственности со стороны государственных чиновников было и в то время столько, что обойти их своим вниманием Мордвинов не мог. Вот еще только три случая, которые пришлось разбирать адмиралу. Отобрали у одного купца в казну понравившуюся мельницу. У другого отобрали землю, выплатив ему 5000 рублей. И хотя тот слезно молил о возвращении ее обратно, хотя бы и за 20 тысяч, ему ее не возвращали. Всерьез намеревались отнять земли и у русских дворян в Крыму, чтобы передать их татарам, заявившим свои претензии... Все это не могло не возмущать адмирала, относившегося к праву собственности как священному. Узнав, что в верхах решили сочинить какие-то правила по отображению частной собственности в казну, Мордвинов предлагает предоставить «сочинение таких правил будущим временам». «Теперь же, — говорит он, — просто исключите всякое притязание казны на частную собственность, даже кажущееся справедливым, так как невозможно положить точный предел такому вмешательству. Забота о частной собственности — вот коренное теперь правило, иначе можно очень просто скатиться в первобытное состояние».

«Святость контрактов»

«У нас, — печалился адмирал, — решительно ничего нет святого. Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей. Но кто же решится на какое-нибудь предприятие, когда знает, что не сего-

дня, так завтра по распоряжению правительства его законно ограбят. Можно принять меры противу голода, наводнения, противу огня, моровой язвы, противу всяких бичей земных и небесных, но противу благодетельных распоряжений правительства — решительно нельзя принять никаких мер».

Да, ни убавить тут, ни прибавить! Разве только вот закавычить слово «благодетельные». Предлагая возобновить «святость частных договоров с казною», обеспечивающей равноправие обеих сторон перед законом, признание подрядчиков за полезных служителей государства, Мордвинов тоже ищет общественной пользы. Она, по его мнению, была бы даже и в том, чтобы дать частнику право выхода из договорных (в рублях) отношений с государством при падении курса рубля. В противном случае получалось бы, что государство, отыскивая выгоды в разорении подрядчиков, приносило бы вред и самой казне. Стремясь обезопасить себя, поставщики стали бы завышать цены.

Чтобы разрешать постоянно возникающие споры по договорам с казной, Мордвинов предлагал учредить третейские независимые суды. Он даже написал правила их создания. По его предложению на юге России с 1802 г стали вводиться независимые коммерческие суды, которые могли бы защищать частных предпринимателей и от насилия властей. К сожалению, они не получили таких широких прав, как предлагал Мордвинов.

Ограждая от произвола властей частные интересы, Мордвинов думал и над тем, как правильно организовать торги на поставки в казну, чтобы избежать сговора подрядчиков и лихоимства чиновников. Общая мысль у него здесь — обеспечить, насколько возможно, широкую осведомленность о предстоящих торгах, ус-

ловиях поставок и соблюдение тайности о подаваемых подрядчиками предложениях.

«Суета забот!»

Думая над тем, отчего в России, столь богатой возможностями и ни в чем не нуждающейся в помощи, повсюду царствует скудость, Мордвинов приходит к выводу, что земледельческая страна и не может быть развитой, что случающиеся неурожаи неминуемо будут ставить ее на грань выживания. Не намного лучше будет обстоять дело и в благоприятные годы: перепроизводство сельхозпродуктов приводит к разорительному обесцениванию.

Предлагая перейти в России от земледельческого быта к городскому, промышленному, Мордвинов намечает ряд мер к этому: освободить город от излишних налогов; дать возможность казенным крестьянам переходить в ремесленный класс, в торговлю, в мещанское состояние только по одному объявлению в казенной палате; предоставить право помещичьим крестьянам откупаться и переезжать в города. По мнению Мордвинова, в сельском хозяйстве достаточно было держать не более трети населения.

Развитию городов, промышленности мешало крепостное право, которое Мордвинов полагал рабством, сдерживающим народную деятельность. В конечном уничтожение его он безусловно верил и, чтобы приблизить «счастливую перемену», готовил собственные проекты о постепенном освобождении крестьян. На поэтапности он настаивает: в природе жизнь постепенна. Крутые же события связаны с потрясениями. Даровать свободу можно, но нельзя сразу научить ею пользоваться. Освобождение должно служить наградой трудолюбию и приобретаемому умом достатку. В предло-

женной адмиралом схеме плата, вносимая за освобождение, привязывается к возрасту крестьян. Самую высокую должны были платить крестьяне в возрасте от 30 до 40 лет — 2000 рублей. Тогда это были очень большие деньги. Мордвинов почему-то считает, что у некоторых семейств капиталы достигают подобных сумм, но весь вопрос в том, сколько было таких семейств...

Мордвинов не был особенно против и обезземеливания крестьян, освобождения их без наделов, так как это способствовало бы, по его мнению, появлению в России рынка вольнонаемного труда и увеличению числа городского населения, о чем он в особенности ратовал.

Проект Мордвинова, относящийся к марту 1818 г, вошел в историю как один из первых вариантов постепенной отмены крепостного права, но не все современники оценили его по достоинству «Помещик и защищает права помещика», — скажет о позиции адмирала видный русский экономист Н. Тургенев, автор «Опыт теории налогов». «В ваших глазах, — ответит ему Мордвинов, — все рабы святые, а все их владельцы — тираны».

Да, Мордвинов был крупнейшим помещиком. Да, число крепостных душ у него исчислялось тысячами, но согласиться с категоричностью Тургенева мы бы не торопились. Скорее всего уступка адмирала землевладельцам объясняется другим: мягкостью предлагаемых мер он надеялся добиться более верного успеха. Но как бы там ни было, к разочарованию Мордвинова, дело при его жизни так и не пошло далее разговоров. «Со времен Петра скорбим о судьбе рабов наших, крестьян, — сетует он на тех, кому даже его проект показался неприемлемым, — и за всем тем оставляем в полной силе своей рабство. Суета забот!»

Банк, которого до сих пор нет

Одним из главных стержней многочисленных программ Мордвинова было устройство в России банков. Еще в 1801 г он предложил удивительный по грандиозности проект Трудопоощрительного банка, средства на деятельность которого выделялись бы государством. Целью этого необычного заведения было «поощрять и возбуждать охоту к трудолюбию как к источнику, из которого истекает богатство, изобилие и благоденствие народное».

Затея эта была вполне в духе Мордвинова, так как более всего он не мог терпеть бездельников и желал, чтобы все занимались полезным трудом. Дворяне и те, по его мнению, тоже должны были работать все поголовно («пусть занимаются хотя бы торговлей»).

Задуманный Мордвиновым банк включал в себя 5 отделений: земледелия, скотоводства, рукоделия, рудокопства и рыболовства. Каждый желавший получить из него ссуду должен был указать «место и характер предприятия, смету расходов и размер ожидаемой прибыли». Были предусмотрены и значительные льготы, в зависимости от важности того или иного предприятия. Банк, к примеру, несколько лет вообще мог не брать процентов.

Ссуды предполагалось выдавать под залог недвижимого имущества. Но при этом допускалось, что «и без имений знающим и способным людям можно предоставлять ссуду». Заемщикам, получавшим ссуду без залога, вменялось в обязанность обучение нескольких учеников из русских людей. Были предусмотрены и награды за улучшение всех отраслей сельского хозяйства.

На правление Банка накладывались широкие требования. Оно обязано было готовить хороших хозяев, выписывать из-за границы скот, инструменты, семена, книги, предоставлять заемщикам помимо финансовых средств квалифицированных специалистов.

Удивительна идея Мордвинова создать при Банке службу, которая веда бы «переписку с местными администрациями», посылала на места своих инспекторов собирать «сведения о новых изобретениях, дабы оные повсюду сделались известными». Для этих же целей при Банке предусматривалось устройство библиотеки и типографии. Шесть человек должны были бы постоянно проживать в Англии «для научения лучшим способам хозяйствования».

Трудопоощрительный банк должен был находиться в ведении государя. Средства на его деятельность выделялись бы государством из ассигнационного банка. Средства на награды — из казначейства.

Государь согласился с уставом Банка, подписал его и передал его на рассмотрение Непременным советом, где проект и был благополучно похоронен. Мордвинов долгое время еще верил в его осуществимость. Подготовил даже проект Высочайшего манифеста о его открытии: «Деньги не имеют никакой цены, кроме относительной к народному труду... единое трудолюбие народное — прямое богатство и величие держав...» Но дальше этого дело не пошло. К 1825 г., кажется, и самого адмирала больше интересовал другой вопрос: куда же подевались оригиналы документов о задуманном им Банке?..

Не были при жизни Мордвинова реализованы и другие, более приземленные его идеи: «Об учреждении частных по губерниям банков» и о преобразовании Государственного ассигнационного банка в банк, основывающий свои операции на серебре.

Борьба с выпуском быстро обесценивающихся бумажных денег — постоянный мотив записок Мордвинова. Рубль — достояние каждого, говорит Мордвинов, и при упадке рубля ропщет воин, негодует гражданин, лихоимствует судья и добродетель уступает место

разврату. Бюджетные дефициты Мордвинов предлагал покрывать не эмиссией и даже не займами, а дополнительными косвенными налогами. Ущерб для народа, полагал он, всегда окажется в этом случае меньшим.

Снять все прямые налоги!

•Одни те подати есть хозяйственные и незаметные для народа, которые уделаются от барыша» — таково было мнение не только Мордвинова, но и вообще большинства знаменитых экономистов того времени, но Николай Семенович этим не ограничивается. Он предлагает отделять от прибыли в виде налога только такую часть, которая «не отнимала бы поощрения к дальнейшему преуспеянию». Считая такое разумное обложение «лучшим видом налога», Мордвинов не только выступает за уничтожение существовавшей в то время подушной подати, но и прочих прямых налогов. Когда в 1821 г тогдашний министр финансов Гурьев предложил ввести ряд налогов на собственность, он немедленно встретил в лице Мордвинова самого непримиримого противника, потребовавшего «все вообще налоги, на торговых и промышленных капиталах лежащие, снять и на будущее время иметь осторожность в прикосновении ко всему, что может ущемлять сии капиталы».

Вместо прямых адмирал предлагал шире использовать косвенные налоги (питейные, таможенные и другие сборы).

Когда войны законны

Незадолго до войны 1812 г Россия открыла свои северные порты, и 200 английских судов под нейтральными флагами вошли в них. Наполеон увидел в этом нарушение существовавших догово-

ров и ущемление торговых прав Франции. Чтобы не портить с ней отношений, предлагалось конфисковать десятка два английских судов. Мордвинов резко возражает против этого: со стороны России это было бы признаком слабости.

Действовавшая в то время континентальная блокада, ограничивающая для присоединившихся к ней стран торговые отношения с Англией, имела своей целью усмирение ее владычества на морях. На деле же оказалось, говорит Мордвинов, что вред понесла не Англия, а Россия! Одного этого факта, по мнению адмирала, было уже достаточно, чтобы отказаться от обязательств России по отношению к Франции. Более того, факт этот заставлял думать, что сама континентальная система была придумана не для того, чтобы ослабить Англию, а для того, чтобы ослабить Россию. Нужно ли в этих условиях, задается вопросом Мордвинов, поддерживать мирные отношения с одной только Францией? Уровень могущества нашей страны таков, что она в состоянии дружить и с Францией, и с Англией одновременно...

В разгар войны с Турцией Мордвинов вдруг начинает выступать за мир и с нею, чтобы возобновить вывоз зерна из черноморских портов, ограничение которого ослабляет не столько Турцию, сколько нас же. Нельзя, говорит он, чтобы внешние обстоятельства подавляли внутренние нужды. Расширение России на юге далее тех пределов, которых она уже достигла, было бы, по мнению адмирала, вредным занятием, ибо ослабляло Россию. Нужно, говорит он, заботиться не о завоевании новых земель, а о сохранении и улучшении существующих. Надо заметить, что и вообще всех завоевателей Мордвинов считал не великими людьми, а разбойниками. Законной войной, великим делом полагал он только защиту Отечества.

Всегдашние предложения Мордвинова о мире диктовались, конечно, экономическими нуждами России, но как только наступал мир, адмирал был вновь недоволен. Называл Россию беспримерным событием в истории, поскольку та и в мирное время, продолжая пользоваться всеми военными налогами, изобретает новые и делает займы. Он предлагает отнять у армии то 40, то 50 миллионов рублей, снизив ее расходы с 50 до 20% бюджета. Придумывает и разные способы такого сокращения: уменьшение численности войск, уменьшение срока службы, введение конкурсов для военных подразделений, обработку военными земельными наделов...

Заманить иностранцев

В первой четверти XIX столетия многих, как и теперь, волновала проблема привлечения иностранных капиталов. У идеи этой были как сторонники, так и противники. К числу последних, хотя и умеренных, принадлежал Мордвинов. Полагая необходимым вливание валюты в российскую экономику, он считал, что этот шаг, во многом вынужденный, происходит от недостатка нужного количества отечественных вкладов. «Россия, — любил повторять он, — государство пространное и требует великих капиталов». Отыскивать их, по мнению адмирала, следовало в родном Отечестве. Не капиталы, полагал он, нужно было привлекать из-за границы, а самих иностранцев, приглашая их на постоянное жительство, предоставляя им всевозможные льготы с отменой присяги на подданство, с необязательностью приписки к гильдиям, с устранением для них таможенных стеснений. С иностранцами, полагал Мордвинов, прибыли бы к нам и машины, и передовые технологии... Как бы, однако, смущался Мордвинов, не отпугнуло их «привычное русскому че-

ловеку повсеместное нарушение законов и отсутствие строгого порядка».

Ратуя за приезд иностранцев, Мордвинов выступал и за то, чтобы и русским людям разрешили жить за границей. Если кто-то из них и окажется при этом изменником — не страшно. Пусть уж лучше такой человек живет вне Отечества. Мазепа с его мыслями об измене, приводит пример адмирал, был бы менее опасен у Карла XII, чем в русском стане. Хороший урок сегодня и для нас, и для наших ближайших соседей!

То, что американцу здорово...

Таможенному тарифу Мордвинов отдавал в своих построениях одно из решающих мест. Протекционизм — вот его кредо. Можно, говорит он, согласиться на свободу торговли, но под условием действительно всеобщей свободы, а не для одной только России. Начать подобный эксперимент с нее, без уступок со стороны других государств, Мордвинов считал крайней неосторожностью. Уменьшение дороговизны он предлагает достигать не либерализацией тарифа, неминуемо ведущей к падению курса рубля, но усилением собственной промышленности с присвоением собственной продукции всех тех выгод, которые уступлены чужеземным товарам.

«Но при запретительном тарифе исчезнет соревновательность, стремление к достижению совершенства, усилится контрабанда, снизится приобретение наших товаров...» — возражали Мордвинову, и ничего этим не достигали. Ни один из приведенных доводов не казался ему убедительным. Соревноваться, говорил он, можно лишь с находящимися при одинаковых с вами «выгодах, правах и обстоятельствах» (иначе какое же это соревнование?), что в принци-

пе не может быть между целыми государствами, ибо «они не могут уравниваться между собой». Тут, во всяком случае, требуется постепенность, пусть и сопровождаемая некоторой неудобностью от употребления собственных изделий, поскольку заплаченные за них деньги остаются внутри государства. «А где государство теряет, — приводит адмирал в особенности важный для него аргумент, — там теряет и каждый частный человек».

По поводу контрабанды адмирал вспоминает один из употребляемых при либеральном тарифе способов обмана, использование которого приносит нечестным людям такие барыши, которые ни одному контрабандисту и не снились. Суть его — в изготовлении поддельного таможенного клейма. При свободном хождении иностранных товаров вред государству наносился бы неисчислимым.

Уменьшение российского экспорта тоже представляется адмиралу вопросом сомнительным. Умозаключение «кто не покупает, тот и не продает» он считает ошибочным. «Не имеет ли Англия, — ссылается Мордвинов на близкий ему пример, — несмотря на запрещение ввоза чужестранных рукоделий, пространнейший внешний торг?»

Разумеется, Мордвинов не настаивает на запретительном тарифе применительно ко всем ввозимым товарам. На товары, не производившиеся в России, он допускает существование незначительных пошлин. На то, что вывозится за границу, Мордвинов предлагает не вводить никаких пошлин. Вообще же неограниченная свобода, считал Мордвинов, полезна только для собственной внутренней торговли. В противном случае и промышленность наша, и сама торговля, полагал он, будут подавлены и окажутся во власти чуждых народов.

«А вот в Америке, — пытались переубедить адмирала, — там протекционизм считают вредной затеей...» — «Опыт, — отвечал на это Мордвинов, — доказал в России противное принятому в Америке правилу».

До чего у нас хамство усилилось!

Если бы во времена Мордвинова существовало общество трезвости, он, без сомнений, вступил бы в него. Адмирал терпеть не мог кабаков, не понимая, как можно прибивать к их дверям царские гербы. Он считал их скопищем разбойников, хулителей дел Божеских и полагал, что число кабаков в Петербурге не должно превышать семи (по числу смертных грехов). Само слово «кабак» Мордвинов предлагал переименовать в «лавку по продаже вина». Купить его там можно было бы только в определенные часы и только на вынос. Внутри лавок адмирал советовал подавать... чай. Тут ему, смеясь, возражали, но он обижался: «Да как же так можно думать о русском народе?!»

В разврате пьянства, сопровождаемого нищетой, болезнями, гибелью способностей, погрязли не тысячи, полагал Мордвинов, сотни тысяч русских людей, в трезвом состоянии трудолюбивых и деятельных. Определяя доходы от продажи вина противоречащими нравственным принципам, он предлагал искать другие источники пополнения бюджета, считая, что трезвость сама по себе принесет доход государству

К тому времени государством было испробованы две системы реализации алкоголя: винные откупа и государственная монополия. Обе эти системы не устраивали Мордвинова и по нравственным принципам, и по экономическим результатам. У прежних откупов, говорил он, много недостатков, но там хотя бы деньги обраща-

лись среди народа. При монополии же государственные чиновники деньги из оборота уведят, прячут их из опасения разоблачения.

Когда в 1827 г вновь вернулись к откупам, Мордвинов стал упрекать министра финансов Канкрин за то, что тот не пожелал испробовать третью систему — акцизную. Адмирал полагал, что такие опыты нужны; что если и случится здесь неудача, то что ж из того — и казенная копейка тоже должна гореть, так же как и все другие.

Нужно, предлагает Мордвинов, сделать продажу вина свободной, взимая налог от его продажи. Нужно отдать казенные винокурни частникам и отпустить на вино цену. Нужно не стеснять производства вина уставами. Они — еще один повод к злоупотреблениям. И нужно разрешить вывозить вино за границу Из-за отсутствия такой свободы сдерживается его сбыт.

Когда сделают все это, говорит Мордвинов, казна будет иметь постоянный доход. Уменьшится пьянство из-за ограничения способов продажи вина (без распития, на вынос), улучшится его качество. Злоупотребления будут, но их всегда тем меньше, чем проще дело.

Император Николай Павлович изъявил одобрение направлению мыслей Мордвинова, но предположил, что действовать в таком деле следует с осторожностью. И, кажется, он здесь был более прав. Впрочем, адмирал предлагал все это больше как опыт. Проверили бы все это тогда, не наделали бы столько ошибок впоследствии. Впрочем, это сомнительно. Настолько верны и теперь слова Н. Тургенева: «До чего у нас хамство усилилось! Мы даже ничего не знаем о прежнем устройстве государства!»

Подарками и деньгами

Кавказские народы, считал адмирал, нельзя покорить оружием. Нельзя уберечься и от их нападений на соседние селения. Чтобы

предотвращать этот вред, потребуется держать здесь значительное войско, расходуя на него огромные деньги. Но Россия должна иметь на Кавказе иные виды, а не одну только временную безопасность. Европа устарела и берет у нас мало. России нужны торговые дороги в Персию, Индию... Азия должна теснее соединиться с Россией! Чтобы открыть путь нашим товарам, нужно приучить кавказские народы к тому, что производит Россия. Нужно породить у них новые желания, новые привычки. Нужно умягчить их роскошью, сблизить их вкусы с нашими. Тогда только достигнем их сокровенных ущелий, соединимся взаимными обменами и торговлей.

Нужно выделить на эти цели и деньги, чтобы привязать к себе родоначальников кавказских народов. Нужно завести школы в наших городах с традиционными для горцев видами обучения для воспитания их молодых князей. Сформировать из них в Петербурге гвардейский отряд... Нужно сделать все это, и небольшие деньги сберегут миллионы.

«Начать должно!..»

Сократить удручающие казну расходы, открыть источники новых в нее поступлений, сберечь небольшими деньгами миллионы государственных средств — вокруг этого строится большинство предложений Мордвинова. Это неудивительно. На каждой из возложенных на него должностей он прежде всего был государственным, думающим о благе Отечества. Собрав все его мнения воедино, и получился бы грандиозный план обустройства России, охватывающий все стороны ее жизни, — величественный план Мордвинова. Не все, разумеется, было в нем совершенно, но как увлекательно, согласитесь, выглядело бы предлагаемое им здание: Рос-

сия с совершенной промышленностью, с развитой банковской системой (занятой не спекулятивными операциями, но прямым своим делом), с твердой валютой, имеющей основанием своим труд миллионов ее людей; Россия, освобожденная от рабства, просвещенная, непьющая, мирная; Россия, за которую не было бы стыдно, которую бы не боялись, но уважали за неизбывную силу и вечное стремление к правде и справедливости...

Право, на это стоило положить жизнь, даже если бы речь шла о только лишь плане, о видении, о формировании далекого идеала. Разве не важно было предложить его обществу для осмысления, для того, чтобы положить начало будущему успеху. «Начать должно, — вот что казалось важным Мордвинову — ибо без начала нет и конца».

Начать, попробовать, двинуться вперед, не резко, не штурмом, не дожидаясь успеха вдруг, но постепенно, с оглядкой, небольшими шагами — только и просил у властей Мордвинов, но даже и этого редко удавалось ему добиться. Трудно ему было бороться с чиновниками, этой непобедимой армией, руководимой не стремлением к благу, но уставом и буквой параграфа, для которой интересы России всегда были почему-то менее важными, чем интересы начальства и собственные интересы. Чаще всего он выходил из борьбы побежденным, но значит ли это, что труд его пропал даром? Не проросло ли сказанное им слово и не принесло ли плоды в эпоху преобразований Александра II, во время реформаторства Витте? Даже и в великой Столыпинской реформе не увидим ли многое из идей адмирала?

Вставали в тупик

Многочисленные шкафы с книгами, различные инструменты, карты, пухлые папки с надписями «Государственный совет», «Воль-

ное Экономическое Общество», «Банки», «Благотворительные учреждения», «Проекты»... — таким рисует кабинет Мордвинова один из его современников. Адмирал к тому времени был уже стар и дряхл.

Цвет лица его казался восковым, а волосы, когда-то чудесно белого цвета, кое-где уже отдавали желтизной. Когда-то он был всеобщим властителем дум, но теперь... Что было ожидать от этого почтенного старца теперь, когда он одной ногой уже стоял в могиле? Однако как только начинали говорить с ним, так тут же и вставали в тупик. Бодрость слов, неожиданные, очень уместные вопросы вызывали у посетителей просто растерянность. Что же тогда говорить о том времени, когда он был в расцвете сил?.. Когда он буквально поражал современников своей неутомимой энергией, зримо воплощавшейся во множестве всяких дел и начинаний. Мы рассказали здесь далеко не обо всех из них. Нужно было бы вспомнить еще и о той роли, которую сыграл Мордвинов в развитии русского образования и просвещения, русского здравоохранения. Читатель найдет в нашей книге некоторые из его работ, касающихся этих областей знания, но нельзя сводить всю неутомимую деятельность адмирала только к написанию каких-то статей.

Мордвинов не чурался и никакой практической работы, даже черновой. Его по праву считают одним из главных организаторов первого частного Страхового общества в России. Он много лет состоял в правлении Русско-Американской компании, смело осваивавшей все западное побережье Северной Америки (от Аляски до Калифорнии), получившее и благодаря ему, его стараниям название Русской Америки. Работая президентом Вольного Экономического Общества, Николай Семенович поставил себе в заботу обеспечение школ и училищ необходимой учебной литературой, образцами

техники и инструментов, создавая тем самым из них прообразы современных учебных заведений. Гомеопатия, оспопрививание, виноделие — не перечислишь всего, чем занимался и где оставил свой след адмирал Мордвинов...

На далеко-дальнем Дальнем Востоке нашей Родины, там, где она, просыпаясь, уже встречает утро нового дня, а ее столица все еще продолжает жить хлопотами дня вчерашнего и только-только неспешно начинает готовиться к ночному отдыху, там, на легендарном острове Сахалин, в самой южной части его восточного берега, между гордыми мысами Свободный и Сенявина, плещут уверенные в своей силе размеренно-стальные волны залива Мордвинова. Много повидавшие на своем веку, покрытые благородной сединой, чуть отдающей желтизной, прибрежные скалы, пристально вглядываясь в далекий тихоокеанский горизонт, кажется, безмолвно, как-то постариковски скорбят, тоскуют о скрытой за ним навсегда утраченной Русской Америке. И, помня уроки прошлого, зорко берегут покой и неприкосновенность нынешних границ государства! Вечная, непрекращающаяся служба Отечеству!

Ю. В. Якутин,
доктор экономических наук,
научный редактор «Русской классической библиотеки.
Экономика и духовность»

Содержание

Ю. В.	Якутин	Вечная служба Отечеству.	7
		Особое мнение адмирала Мордвинова	30
		<i>Раздел 1</i>	
		<i>Россия требует ремесел и фабрик более, нежели всякая иная земля</i>	
Глава 1.	О собственности	Право собственности <i>должно быть непоколебимо.</i>	35
Глава 2.	О крепостном праве	<i>Рабство само собой исчезнет в России.</i>	79
Глава 3.	О промышленности, торговле и тарифах	<i>Грамотная тарифная политика — движущая сила развития промышленности и торговли.</i>	109
Глава 4.	О финансах	<i>При упадке достоинства монеты благодать правов увядает.</i>	201
Глава 5.	О банках	<i>Банки — источники частных и общественных доходов.</i>	233
Глава 6.	О страховании	<i>В России давно бы уже могли существовать свои страховые конторы, если бы не правительство.</i>	303
		<i>Раздел 2</i>	
		<i>Где правительство само искажает благонравие народное, там ни в чем оно преуспеть не может</i>	
Глава 1.	О госустройстве и правосудии	<i>Справедливые законы и доброе управление — основа сильной державы.</i>	331
Глава 2.	О просвещении	<i>Цветут империи образованием.</i>	421
Глава 3.	О пьянстве и гомеопатии	<i>Уничтожить болезнь и вернуть здоровье.</i>	489
		<i>Раздел 3</i>	
		<i>Вольное Экономическое Общество — орудие к приведению в России земледелия, рукоделий и промышленности в цветущее состояние</i>	
Глава 1.	О целях и задачах ВЭО	<i>В подвигах Общества нет своекорыстия.</i>	525
Глава 2.	О пособиях ВЭО	<i>Я испрашиваю пособия не для себя, но для Общества.</i>	541
Глава 3.	Об успехах и неудачах ВЭО	<i>Я служил Обществу верно.</i>	567
		<i>Воспоминания об адмирале Н. С. Мордвинове и о семействе его</i>	
		<i>Записки дочери.</i>	601